

Там, где умер Бог

27 января 1945 года частями Красной армии был освобожден концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау, расположенный рядом с польским городком Освенцим. Прошло шестьдесят лет, и в 2005 году была принята резолюция ООН о признании 27 января Международным днем памяти жертв холокоста.

Выбор даты

Разговор о том, какой день выбрать в качестве Дня памяти жертв катастрофы, в Израиле шел с момента образования государства и был одним из центральных. Часть населения Израиля -- и среди них многие религиозные евреи -- считала и считает, что вспоминать о жертвах холокоста нужно 10 тевета (по еврейскому календарю) -- в день начала осады Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором в V веке до н.э. В этот день скорби -- в 2008 году он пришелся на 5 января -- евреи вспоминают все трагедии, когда-либо пережитые народом, и холокост, таким образом, становится лишь звеном в общей цепи бед, через которые им пришлось пройти. Другая часть населения Израиля полагает, что катастрофа, случившаяся с европейским еврейством во время второй мировой войны, -- явление уникальное по своей чудовищности и потому заслуживающее отдельного дня поминовения и скорби. Точка в этом споре была поставлена в 1951 году на заседании кнессета (израильского парламента), который по настоянию Бен Гуриона принял решение считать национальным Днем памяти жертв катастрофы и героизма 27-е число месяца нисана (по еврейскому календарю). Именно в этот день -- 19 апреля 1943 года -- началось восстание в Варшавском гетто. Отмечать же День памяти по григорианскому календарю -- то есть непосредственно 19 апреля -- сочли невозможным: нельзя было допустить, чтобы день этот даже иногда «пересекался» с Песахом, который празднуют с вечера 14 по 22 нисана.

Вновь образованному государству было принципиально важным привязать этот день к фактам еврейского сопротивления и героизма: расхожее представление о том, что евреи шли на смерть, как овцы, было невыносимым и оскорбительным, а главное -- неверным. Самим евреям слишком хорошо известно, что сопротивление холокосту шло постоянно, оно было и духовным: нужно было постараться выжить, сохранив себя как народ, и физическим: вооруженные восстания вспыхивали и в гетто, и в концлагерях. Но евреям также слишком хорошо известно, что местное население Европы активно помогало немцам окончательно решить еврейский вопрос.

«Если бы мы сегодня по справедливости начали предъявлять моральные счета народам мира, и прежде всего народам Европы, столь многими из нас так нежно любимыми, -- говорила известный публицист Майя Каганская, -- то тогда единственным выходом было бы отвернуться от всех, потому что буквально у всех у них руки в нашей крови. В последнее десятилетие это одно из самых больших документальных и исторических открытий в том событии, которое мы называем катастрофой. Все это в первые десятилетия (после окончания войны. -- Ред.) не осознавалось, потому что вся вина как бы перешла на немцев, и немцы ее приняли настолько, насколько могли. И тем не менее приходится признать теперь невероятную степень соучастия практически всех европейских народов. Я не могу забыть свой разговор с покойным профессором Шломо Пинесом, который видел, как французские полицейские в Париже хватали еврейских девочек и заталкивали в фургоны в 41, 42-м годах».

Сопротивление холокосту -- тема, принципиальная для Израиля в его выборе даты Дня памяти. Противостояние одного народа всему миру, противостояние, имеющее серьезную идеологическую основу с обеих сторон и закончившееся Освенцимом, -- тема значимая, существующая и совершенно неополиткорректная.

В 2005 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, которая объявляла Международным днем памяти жертв холокоста 27 января, день освобождения Освенцима. Вытесненная в подсознание как неприличная и потому неизжитая тема участия Европы в холокосте спустя 60 лет после победы привела к необходимости снова безоговорочно и вслух осудить «все проявления религиозной нетерпимости, подстрекательства, преследования или насилия в отношении отдельных лиц или общин, обусловленные этническим происхождением или религиозными верованиями, где бы они ни имели место». И официально

подтвердить, что ООН «отвергает любое отрицание холокоста -- будь то полное или частичное -- как исторического события».

Израиль был в числе 92 стран -- инициаторов резолюции. Но в израильских ежедневниках день 27 января не отмечен, в отличие от 27 нисана. Как проговорился один израильский чиновник, «решения ООН не могут оказывать на Израиль такое уж решающее влияние. У нас давние и прочные традиции отмечать этот день, и мы не будем их пересматривать из-за того, что ООН приняла решение о другой дате».

«27 января у нас проводятся официальные мероприятия, -- сказали мне в Израильском культурном центре в Москве. -- Например, пройдет глобальный Форум по антисемитизму, пройдут слушания в парламенте, будет специальное заседание правительства... 27 января -- день изучения последствий катастрофы. Но этот день не исключает и не дублирует наш национальный День памяти, который носит скорее религиозный оттенок: звучат сирены на улицах, проходят поминальные церемониалы...»

24 страны сделали 27 января своим национальным Днем памяти жертв холокоста. В том числе Германия, Эстония и Албания (Германия отмечает 27 января с 1996 года). В России национального дня памяти жертв холокоста нет, несмотря на то, что на территории бывшего Советского Союза во время войны погибло более двух миллионов евреев. И несмотря на то, что именно войска Красной армии и освободили Освенцим.

Запах стоял страшный...

«Мы до последнего момента не знали, что идем освобождать концлагерь. Мы шли на городок Освенцим, а оказалось, что вся территория вокруг этого польского городка была в лагерях... -- рассказывает Иван Мартынушкин, в 1945 году ему 21 год, он старший лейтенант, командир пулеметной роты 322-й стрелковой дивизии. -- Я со своей ротой подошел к ограде, но уже стемнело, и мы не пошли на территорию, а заняли какое-то караульное помещение за пределами лагеря. Наверное, там жила лагерная охрана. Помню, там было очень жарко натоплено, мы даже подумали, что немцы приготовили для себя теплое помещение, а тут мы пришли... Батареи были такие горячие, что мы там за ночь полностью просушились: погода была сырая, да еще приходилось по дороге форсировать какие-то речушки. А на следующий день мы начали зачистку вокруг лагеря. Там огромный поселок -- Бжезинка, солидные кирпичные дома стояли, и когда мы начали по нему двигаться, нас обстреляли. Не из лагеря. Из какого-то здания 2--3-этажного, казенного, может, это школа была... Мы залегли, дальше продвигаться не стали и связались с командованием: попросили, чтобы по этому зданию ударили артиллерией. Мол, разгромим -- и дальше двинемся. А нам вдруг ответили, что артиллерия не ударит, потому что тут лагерь, а в лагере находятся люди, и поэтому мы должны были даже перестрелок избегать, чтобы шальные пули никого случайно не зацепили. И тут мы поняли, что это была за ограда».

По словам историка Ильи Альтмана, сопредседателя научно-просветительского центра «Холокост», никто из Ставки не ставил перед солдатами задачу освобождения лагеря смерти: «Парадокс истории заключается в том, что советскому правительству было великолепно известно о существовании Освенцима, а армия ничего не знала. И только за дав-три дня до подхода к городу поняли, что вокруг Освенцима стоит какой-то страшный лагерь. И здесь огромная заслуга маршала Конева, генерала Рыбалко, которые направили войска, рвущиеся к Одеру, к Германии, перерезать путь эсэсовской дивизии и оставить в живых более семи тысяч узников Освенцима. Это подвиг, и о нем в мире помнят и знают. Но если вы опросите в России тысячу человек на улице, никто вам не назовет ни одного героя, который освобождал Освенцим. А ведь наши солдаты не только освободили, но и сумели сохранить жизнь большинству доходяг, которые были в этом лагере».

Вспоминает Иван Мартынушкин: «Было уже светло, когда мы увидели людей за оградой, они вышли из бараков. Мы сначала решили, что это фашисты или охрана лагеря. Но они, видимо, догадались, кто мы, и начали приветствовать нас жестами, что-то кричать. Нас разделяло сплошное ограждение, очень высокое -- метра четыре, не меньше, колючей проволоки... Мы вошли в лагерь только к вечеру, только после выполнения своей боевой задачи по очистке местности...

Узники были одеты по-разному: у кого-то только роба, кто-то накинул на робу пальто или какую-то накидку, кто в одеяло кутался... Мы к тому времени уже несколько месяцев шли через Польшу, так что польский язык немного знали. Но те люди, которых мы видели, по-польски не говорили. Кажется, там были венгры. Или венгерские евреи -- летом 1944 года в Освенцим привезли несколько сотен евреев из Венгрии. Нельзя сказать, что мы с узниками общались: разговоров не было. Объяснялись в основном жестами: они все время старались нам руки пожать, окружить знаками внимания...

Некоторые держались на ногах, даже были в трудоспособном состоянии, но у всех были черные, изможденные лица. Были и такие, кто не мог подняться: они сидели, прислонившись к стенам барака. Мы и в бараки эти

заглянули... Страшное впечатление. Зловоние такое -- даже входить туда не хотелось. На нарах лежали люди, которые были не в состоянии подняться и выйти. Воздух и без того жуткий, а к нему еще примешивался какой-то странный запах, может, карболки...

Мы и печи видели, кажется, они были взорваны. Мы тогда не знали о предназначении этих печей, думали, что просто сжигали умерших, чтобы не хоронить... Дело в том, что когда мы шли по Украине, по Польше, то встречали маленькие концлагеря, на несколько сот человек. И в этих лагерях тоже были печи-крематории, в них пепел, кости... Но мы считали, что немцы в таких печах избавлялись от трупов, когда люди сами умирали от истощения, от тяжелой работы... Только потом, когда начался Нюрнбергский процесс, мы поняли, что именно за лагерь мы освободили под Освенцимом».

То, что увидели красноармейцы в Аушвице, потрясло их. Когда стало известно, что под Освенцимом стоит страшный концлагерь, в Аушвиц были направлены корреспонденты дивизионной газеты 38-й армии «За нашу победу!» Ушер Маргулис и Геннадий Савин. «Начальник политотдела сказал, что наша задача -- войти в лагерь вместе с наступающими частями, с нами пошла группа разведчиков, -- рассказывает Ушер Маргулис. -- Мы должны были побеседовать с узниками, сфотографировать печи. Но не все получилось: узники говорили по-французски, мы только обменялись с ними несколькими словами по-польски и по-немецки. Печи оказались взорваны немцами. Но мы встретили женщину в полосатой одежде, она оказалась полькой -- а я знал польский язык, -- и женщина согласилась показать нам лагерь. С ней мы вошли в кирпичное здание, двух- или трехэтажное, и заглянули в комнаты, двери были не закрыты. В первой комнате была целая гора детской одежды: пальтишки, брючки, курточки, кофточки. Многие с пятнами крови. В другой комнате стояли ящики -- обычные, товарные, примерно метр на полтора, -- заполненные зубными коронками и золотыми протезами. Вся комната завалена коробками с челюстями. Страшно смотреть было. В третьей комнате были ящики, заполненные состриженными женскими волосами -- оказывается, они тоже шли в ход. И напоследок женщина привела нас в комнату, заполненную изящными женскими сумочками, абажурами, бумажниками, кошельками и другими кожаными изделиями. Она сказала: «Все это сделано из человеческой кожи». И тут нас как к полу пригвоздило, мы дар речи потеряли».

Статистика Аушвица

Концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау занимал территорию в 4675 га и состоял из нескольких лагерей: был еврейский лагерь, женский, цыганский, лагерь для военнопленных и т.д. В Аушвице содержалось постоянно от 180 до 250 тыс. заключенных. По различным оценкам, в лагере погибло от полутора до четырех с половиной миллионов человек, среди которых более 1200 тыс. евреев, 150 тыс. поляков, 23 тыс. цыган, 10 тыс. советских военнопленных. Все цифры очень приблизительные, точный учет привозимых в лагерь заключенных не велся. Людей привозили в концлагерь на поездах, по прибытии делили на группы. Первая группа, составлявшая примерно три четверти всех привезенных (их количество нигде не регистрировалось), отправлялась в газовые камеры в течение нескольких часов. Это были женщины, дети, старики и все, кто, по мнению врачей, был непригоден к работе. В Аушвице работали четыре газовые камеры с крематориями. Каждый день в лагере могло быть убито более 20 тыс. человек (по другим оценкам -- около 12 тыс.). Оставшиеся заключенные или использовались для различных работ (в комплексе Аушвица к разным фабрикам были приписаны около 405 заключенных, лагерь получал 4 марки в день за каждого рабочего), или отбирались для медицинских экспериментов.

Через Аушвиц прошло более 234 тыс. детей и подростков не старше 18 лет, среди них 220 тыс. еврейских детей, 11 тыс. цыганских, несколько тысяч белорусских, украинских, русских, польских. Большинство еврейских детей уничтожалось сразу же после прибытия. В сентябре 1944 года, например, 12 300 детей из Каунаса были направлены в газовые камеры.

Охраняло Аушвиц около 6 тыс. эсэсовцев, считавшихся людьми образованными и верующими. Три четверти охранников имели полное среднее образование, а 5% были выпускниками университетов с ученой степенью. 42,4% обозначили себя католиками, 36,5% -- протестантами. После войны перед судом предстало меньше 15% палачей и охранников. Некоторые -- например, «Ангел смерти», врач Йозеф Менгеле, проводивший медицинские эксперименты над детьми и взрослыми, -- бесследно исчезли.

«Живи!»

Анатолий Ванукевич попал в Освенцим в феврале 1943 года, ему было 13 лет.

-- Я там был как белорус, хотя я еврей, родился в Гродно. Мой папа был портной из Варшавы, так что я знал и польский, и белорусский, и русский... Немцы пришли в Гродно на второй день войны, никто из евреев не успел

уйти из города. Сначала нам запретили ходить по тротуарам, потом велели пришить к одежде желтые звезды Давида... А потом -- гетто. Мне было одиннадцать лет, и мы, мальчишки, ухитрялись вылезти из гетто через колючую проволоку в город, меняли вещи на продукты. Помню, как многих уводили из гетто, говорили -- на переселение, а потом расстреливали их за городом. В конце 1942-го гетто было ликвидировано, всех посадили в товарные вагоны и отправили в Освенцим. В вагонах были только верхние окошки, затянутые колючей проволокой. Ни воды, ни пищи. В каждом вагоне по 120 человек. По дороге очень много народу умерло, я помню горы трупов. И по этим трупам нас, детей, подтянули вверх, к окну. Как-то сорвали эту колючую проволоку. Мама с отцом завернули меня в куртку и выбросили из окна поезда, на ходу, под откос. Я помню только мамины поцелуи и ее крик: «Живи!»

Утром я, наевшись снега -- очень хотелось пить, -- пошел в лес искать хоть какую-то еду. Но сначала сорвал с одежды и закопал желтые звезды. На мне была буденовка с красной звездой, ее сшил папа, и мне в голову не пришло снять эту шапку. Я несколько дней бродил по лесу, пока меня не схватили полицаи. Из-за буденовки меня приняли за партизана и повели в гестапо. Помню, что я шел по улицам города Катовице, а мне прохожие кричали: «Партизан! Большевик!»

Я до сих пор не могу вспоминать о пытках в гестаповской тюрьме. Меня посадили к «политическим», полякам. Они внушали мне: «Забудь, что ты еврей! Ты поляк, у тебя польская фамилия. А когда пришли русские, то всех вас записали белорусами. Так что ты поляк, а по документам белорус. Говори, что отстал от поезда и потерял родителей». Меня пытали страшно, но я все равно не мог сказать, где партизаны. И меня отправили в Освенцим.

-- Вы там были в детском блоке?

-- В подвале 18-го блока, там жили мальчишки от 7 до 15 лет. Нас, наверное, человек пятьсот было. Но сначала нас поместили на карантин, заставили выучить по-немецки свой номер, учили строиться в шеренги, шагать в ногу, выполнять команды: направо, налево, шапку снять, надеть шапку... Мюце ап, мюце ауф... На ногах были деревянные колодки, ноги очень быстро стерлись в кровь. По три раза в день построения на аппельпляц, очень длинные, весь лагерь пересчитывают. Многие не выдерживали, падали -- их уносили, и больше мы их не видели. Я работал учеником маляра, другие мальчишки -- учениками электрика, кровельщика, сантехника... Старшие нас опекали, щадили. В Освенциме было очень развито подполье, и меня часто использовали как связного: то записку передать в другой блок, то еще какое-нибудь поручение...

Однажды я работал на мясокомбинате за территорией лагеря, и мне поручили утащить три батона вареной колбасы для больных. Я был тощий, и меня долго готовили: все примеряли, обвязывали веревками, и казалось, что никто и никогда эту колбасу не заметит. Но собаки унюхали. Меня вытащили из шеренги, повели на аппель, где постоянно стояли виселицы. Поставили на табуретку под виселицей и приказали держать колбасу в руках. И так я простоял несколько часов. Наконец подошел слегка пьяный Рудольф Гесс -- комендант лагеря -- и начал меня бить своей плеткой, повторяя, что я свинья, проклятая свинья. Я упал, колбаса выпала из рук, я пытался встать, но снова падал... И вдруг Гесс заорал на меня: «Ляус! Шнеллер!» -- и погнал меня в мой блок.

-- Вы и дальше брались за поручения?

-- Да. Мы все знали, что из этого лагеря выход только через люфт. Дымом, через небо. Поэтому какая разница когда? Многие не выдерживали -- бросались на проволоку, резали себе вены. Многие пытались бежать. Правда, их ловили, а потом весь их барак расстреливали, вешали. А нас заставляли плевать на их тела.

Мне очень хотелось дожить до освобождения. Мы все об этом мечтали, говорили: ну, хоть один денек прожить после войны. Чтобы рассказать. Мы же видели, как приходили транспорты с людьми. Я видел толпу голых женщин: их раздели и прямо на улице брили им волосы. Я видел, как у матерей отрывали от груди детей и швыряли их, еще живых, в рвы с огнем. Я видел это, видел! Крик стоял страшный! Но ведь и бунты были. Однажды у какой-то женщины оказался пистолет, и она убила трех немцев. За это всех, кого привезли в тот день, расстреляли, не стали даже сортировать.

-- Бог умер в Освенциме. Так говорят.

-- Мы постоянно молились. И было ощущение, что с неба на тебя смотрят. У нас и ксендз был, он в газовую камеру за другого пошел... Раз в неделю проходили акции по отбору ослабевших узников: нас раздевали, обливали из шланга холодной водой, и врачи сортировали: этих -- налево, и переписывали их номера, а этих -- направо, еще поработают. И все знали, что тех, кто шел в левую группу, завтра или послезавтра вызовут в

крематорий. И ксендз пошел вместо другого.

-- Но ведь номер не совпадал?

-- А им какая разница? Газовые камеры должны были работать бесперебойно, вот и все.

-- После войны вы пять раз были в Освенциме. Как вы это выдерживаете? Зачем вы туда ездите?

-- Эти поездки чудовищны. Но я управляю своими нервами. Я езжу, чтобы рассказать. Я должен.

Из Освенцима Анатолий Ванукевич был отправлен немцами в концлагерь Гроссрозен, оттуда в феврале 1945 года -- в лагерь Нордхаузен. Когда пришли американцы, он весил 15 кг 300 г. Ему было 15 лет.

Американцы предлагали уехать в США, но Ванукевич рвался домой: может, кто-то из родни выжил. Когда вернулся в Гродно, оказалось, что родительский дом цел. Открыл калитку. И к нему кинулась собака: узнала и стала облизывать. Первое время по ночам мальчик вставал и во сне выполнял команды: «Мюце ап». «Мюце ауф»...

Дело принципа

В этом году во всех школах Москвы пройдут уроки, посвященные Международному дню памяти жертв холокоста. Подобные уроки проходили и раньше, но по инициативе учителей и далеко не во всех школах. В этом году проведение урока толерантности проходит с привлечением административного ресурса, под присмотром московского департамента образования.

-- К Юрию Михайловичу Лужкову обратился Вячеслав Кантор, президент Российского еврейского конгресса и президент Европейского еврейского конгресса, -- говорит Наталья Ваганова, курирующая уроки толерантности от департамента образования, -- и предложил провести уроки, посвященные Дню памяти жертв холокоста 27 января. Кантор вообще сначала обратился с предложением внести в учебный план уроки толерантности, но мы ответили, что у нас и так проводится большая работа по толерантному воспитанию учащихся, и во внеурочное время в том числе. Но тем не менее мы готовы примерно три раза в год -- допустим, в октябре, январе и апреле -- проводить большие мероприятия. В январе это День памяти жертв холокоста, а октябрь и апрель могут быть посвящены каким-то другим проблемам. Уроки эти пройдут с 22 по 28 января, и сами школы будут решать, в каких классах, в какой форме их проводить.

-- А кто будет проводить, какие учителя?

-- Историки, наверное. Но могут и классные руководители. Материал страшный, очень тяжелый, но я думаю, что наши учителя -- люди грамотные, найдут нужные слова. В методических материалах для этого урока, которые разработаны Институтом открытого образования, речь идет не только о евреях: там и о ленинградской блокаде рассказано, и о Тане Савичевой. Речь идет о трагедии, которую пережил народ независимо от национальности.

Понятно, почему вдруг возникла тема блокады: 27 января -- день снятия блокады Ленинграда.

И понятно, почему решено было объединить обе даты.

В Европе выросло новое поколение. Мир активно пересматривает итоги второй мировой войны. Ревизия итогов войны совпала с ревизией холокоста. Акции памяти 2005 года -- в Освенциме и Кракове, в Киеве и Бабьем Яре -- проводились на фоне глухого сопротивления местной администрации.

Без правды о холокосте нет памяти о войне, и уважение этой памяти становится для России таким же делом принципа, как и однозначные ответы на вопросы: кто выиграл эту войну и кто такие воины-освободители?

В боях за Аушвиц-Биркенау и его филиалы погиб 231 советский солдат и офицер.

Автор: Мария Дубнова © Время Новостей Online ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 6509 24.01.2008, 15:55 👤 306
URL: <https://babr24.com/?ADE=42801> Bytes: 21841 / 21764 [Версия для печати](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Мария
Дубнова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)